

Разделавшись с хулиганами, Цзи Аньчэ взглянул на юношу, скорчившегося на цементном полу. Уголок губ парня алел кровью, бело-голубая форма пропиталась грязью, края ткани обтрепались — вид у него был совершенно жалкий.

Только увидев это воочию, Цзи Аньчэ понял, что главный герой выглядел гораздо трагичнее, чем описывали бледные строки романа.

Цзи Аньчэ подошёл к лежащему на полу юноше.

Остановившись перед ним, он присел на корточки и с беспокойством спросил:

— Главный гер... тьфу!

Если назвать его «главным героем», он сразу себя выдаст.

— Эй, парень, тебе плохо где-нибудь?

Что за нелепая фраза.

Но если держаться уверенно, неловко будет только другим.

Цзи Аньчэ, набравшись храбрости, уставился на главного героя широко раскрытыми глазами.

Юноша поджал губы, его холодная сдержанность создавала невидимый барьер. Выразительная внешность с яркими, но холодными чертами лица.

Потрясающе красивый.

Неудивительно, что у главного героя столько поклонников.

Вот только все они извращенцы.

Кто-то мечтает заточить главного героя и владеть его телом, кто-то планирует разрушить его жизнь, а некоторые просто хотят накачать его наркотиками, превратив в потерявшую волю канарейку в золотой клетке.

Главный герой чист душой и добр, даже подвергаясь издевательствам, не умеет сопротивляться.

Цзи Аньчэ смотрел на главного героя почти с жалостью.

Гу Ханьчжоу настороженно взглянул на Цзи Аньчэ, незаметно пряча зажатый в ладони канцелярский нож.

— Я в порядке.

— Ты можешь идти? — Цзи Аньчэ протянул руку. — Давай помогу тебе встать.

Правая нога Гу Ханьчжоу, только что получившая удар трубой, пульсировала жгучей болью, растекающейся по нервным окончаниям. Она непроизвольно дрожала и подёргивалась.

Самостоятельно встать было сложно.

Гу Ханьчжоу схватился за протянутую руку Цзи Аньчэ и с трудом поднялся с земли.

С натянутой улыбкой на губах он произнёс:

— Спасибо тебе.

— Не за что, — ответил Цзи Аньчэ, поддерживая юношу и помогая ему сесть на деревянную скамейку неподалёку.

Парень был выше Цзи Аньчэ, но гораздо худее. Помогая ему встать, Цзи Аньчэ чувствовал острые кости, выпирающие под кожей.

Какой бедняга, до чего же он истощён.

— Бедняжка... кхм-кхм, — Цзи Аньчэ готов был дать себе пощёчину за этот ляп, и, натянуто улыбаясь, продолжил: — Дружок, тебе нужно в больницу? Я оплачу медицинские расходы.

Что за идиотский тон властного героя любовного романа?!

Чёрт, главный герой, наверное, считает его слабоумным.

Воздух замер в неловком молчании.

Тишина сегодня была как мост в Кембридже, выложенный пальцами его ног.

Цзи Аньчэ застыл в таком неловком оцепенении, что кожа головы начала зудеть, и он готов был сказать что угодно, лишь бы разбить молчание.

Наконец, главный герой заговорил:

— Не стоит, — покачал головой Гу Ханьчжоу, тихо добавив: — Спасибо, что помог мне.

— Не стоит благодарности, не стоит, — поспешно ответил Цзи Аньчэ.

Глаза Гу Ханьчжоу прояснились, уголки губ слегка приподнялись, когда он искренне произнёс:

— И спасибо, что спас меня только что.

Улыбка юноши, казалось, обладала способностью успокаивать бурю эмоций.

Цзи Аньчэ, застигнутый врасплох этой искренностью, неловко махнул рукой:

— А, пустяки.

За стенами склада раскинулись густые кроны деревьев, изумрудная листва расправила свои ветви, выпуская нежные молодые побеги.

Они находились на улице недалеко от школы, называемой «Улица Цинфэн» — «Улица Чистого Ветра».

На горизонте тускнел закат, омывая всё вокруг тёплым оранжевым светом, лаская красно-коричневые кирпичные стены переулка мягким сиянием.

Лёгкий ветерок пробежал по листве платанов, вызывая мягкий шелест.

Гу Ханьчжоу с трудом растянул губы в горькой улыбке:

— Эти хулиганы каждый день творят бесчинства, а школа совершенно их игнорирует. Если бы не ты сегодня, меня, наверное, снова избили бы до полусмерти.

Сложив руки за спиной, Гу Ханьчжоу подставил бледные запястья солнечному свету, сквозь прозрачную кожу просвечивали бледно-голубые вены.

Его изящные пальцы вертели острый канцелярский нож, рассеянно играя с ним.

Этот нож был приготовлен с особой целью, но, к сожалению, не пригодился.

Гу Ханьчжоу сжал белоснежное острое лезвие и спрятал его глубоко в рукаве. Его лицо исказилось от едва заметной боли, когда он печально вздохнул — любой, увидев юношу в таком состоянии, непременно почувствовал бы сострадание.

— Я никогда не мог справиться с ними, всегда становился жертвой их издевательств.

Гу Ханьчжоу слабо кашлянул, его хрупкая спина слегка задрожала, подчёркивая беззащитность. Изобразив вымученную улыбку, он пробормотал:

— Впрочем, моя шкура достаточно крепкая, чтобы выдержать побои.

Глядя на бледное лицо Гу Ханьчжоу и синяки, покрывавшие его шею, вспоминая страдания главного героя в романе, Цзи Аньчэ ощутил странное чувство дискомфорта, словно случайно надкусив неспелый лимон — кислота и горечь затопили его сердце.

Цзи Аньчэ уже собирался утешить главного героя, но внезапно осознал печальную правду.

Ведь он сам, точнее, прежний владелец его тела, был одним из тех, кто издевался над Гу Ханьчжоу.

Оригинальный Цзи Аньчэ, стремясь угодить хулиганам и избежать травли, неустанно преследовал Гу Ханьчжоу. В нынешнем жалком положении главного героя была и его вина.

Ситуация стала ещё более неловкой.

Хотя это сделал не он, но, оказавшись в этом теле, он должен был взять на себя ответственность.

— Прости меня, — искренне извинился Цзи Аньчэ. — Раньше я был полным придурком, когда обижал тебя. Теперь я решил начать жизнь с чистого листа.

Цзи Аньчэ осторожно посмотрел на главного героя:

— Ты сможешь простить меня?

В его памяти промелькнули все те мерзости, которые совершал прежний «Цзи Аньчэ».

Выбрасывал зонт главного героя в дождливый день, заставляя его мокнуть.

Прятал его экзаменационные листы, из-за чего тот пропускал испытания.

Заменял лекарство от простуды слабительным.

Бесчисленные оскорбления и побои дополняли список преступлений.

Но хуже всего было то, что главный герой спас «Цзи Аньчэ», что делало эти акты мести ещё более омерзительными и абсурдными.

Чем больше Цзи Аньчэ об этом думал, тем сильнее ощущал холод в груди.

Такое лёгкое, почти небрежное извинение не могло искупить нанесённый ущерб.

Если бы главный герой был обычным человеком, уже тот факт, что он не стремится к мести, был бы невероятной удачей. О прощении не могло быть и речи.

Но в этом дешёвом мелодраматическом романе главный герой был наделён встроенным «фильтром святого отца».

Всем, кто издевался над главным героем, он не только не мстил, но и великодушно прощал. Даже тот скот, из-за которого он пропустил выпускные экзамены, получил его прощение.

Пропуск выпускных экзаменов — это преступление, которое невозможно простить. Это просто

нереально!

Цзи Аньчэ осилил только две трети романа, дальше его тошнило от гнева и он просто не смог продолжать чтение.

Последнюю треть сюжета он так и не узнал, но предполагал, что она мало отличается от первых двух. Вряд ли главный герой внезапно озлобился и перебил всех обидчиков.

Скорее мишка Тедди оживёт и полетит в космос, чем главный герой станет мстителем.

Цзи Аньчэ теперь затруднялся понять истинные мысли главного героя.

Украдкой взглянув на Гу Ханьчжоу, он увидел всё ту же наивную и милую невинность. Впору было поставить рядом пару зелёных листочков — идеально бы сочетались.

— Ты сможешь простить меня? — повторил Цзи Аньчэ, с трудом выдавливая слова. — Если нет, я пойму. Решай сам.

— Всё в порядке, — Гу Ханьчжоу изогнул брови в улыбке, уголки его губ растянулись в мягкой улыбке. — Давай оставим все прошлые неприятности позади. Я никогда не принимал их близко к сердцу.

В груди Цзи Аньчэ затеплилось уважение.

Он не ожидал, что главный герой так быстро его простит.

Поставив себя на его место, Цзи Аньчэ представил: если бы его заклятый враг, постоянно издевавшийся над ним, внезапно протянул оливковую ветвь мира, он, скорее всего, пнул бы этого придурка и велел убираться с глаз долой! Уже то, что он не убил бы обидчика, было бы большой удачей, но принять его доброжелательность было бы невыносимо.

Цзи Аньчэ бросил на главного героя взгляд, полный сложных эмоций. Действительно, Гу Ханьчжоу по-настоящему добрый человек.

В этой среде, пропитанной злобой, главный герой вырос чистым и незапятнанным, как лотос, поднявшийся из мутной трясины — это было поразительно.

«Я буду защищать этот невинный и наивный белый цветок», — решил Цзи Аньчэ.

Янтарные глаза Цзи Аньчэ вспыхнули решимостью, он небрежно засунул руки в карманы и, приподняв подбородок, заявил:

— Отныне я беру тебя под своё покровительство.

Гордая и свободная аура окружала юношу, когда он продолжил:

— Пока я рядом, никто не посмеет тебя обидеть.

Гу Ханьчжоу тайком спрятал нож в рукаве, скрывая мрачную злобу, сверкнувшую в его глазах.

С изогнутыми в улыбке бровями, он растянул губы в улыбке, сладкой как мёд, но отравленной мышьяком.

«Получив вторую жизнь, я верну сторицей все унижения и пытки, которые мне пришлось пережить. Братец, наслаждайся представлением», — пронеслось в его мыслях.

— Хорошо, пусть гэ-гэ защищает меня, — улыбнулся Гу Ханьчжоу.

Голос юноши звучал чисто и тепло, с хрипотцой и неловкостью, присущими подростковому возрасту.

Услышав, как Гу Ханьчжоу называет его «гэ-гэ» — старшим братом, Цзи Аньчэ ощутил удовлетворение, находя главного героя всё более милым и послушным.

Раз уж главный герой сам назвал его братом, нужно было как-то ответить на этот жест. Цзи Аньчэ долго рылся в карманах, но нашёл только леденец с лимонным вкусом.

Леденец в качестве подарка при первой встрече выглядел жалко. Но карманы его были пусты, как лицо монаха, и предложить что-то другое не представлялось возможным.

Цзи Аньчэ решительно вложил завернутую в пластик лимонную конфету в ладонь Гу Ханьчжоу.

— Съешь эту конфету, и мы станем настоящими братьями.

Холодные кончики пальцев коснулись его кожи. Гу Ханьчжоу, казалось, растерялся, принимая угощение. Уголки его губ изогнулись в лёгкой улыбке, а взгляд светился наивной чистотой:

— Спасибо, гэ.

— Пошли, нам пора на уроки, — Цзи Аньчэ повернулся и направился к учебному корпусу.

Увидев, что Цзи Аньчэ уходит, Гу Ханьчжоу мгновенно стёр с лица добродушную улыбку, и его лицо превратилось в ледяную, зловещую маску.

Его взгляд, липкий как у змеи, впился в удаляющуюся фигуру Цзи Аньчэ. Гу Ханьчжоу поднёс правую руку к уху и потёр покрасневшую от холода мочку.

Он облизнул нёбо, а в тёмных зрачках зажглась злобная радость.

Под сине-белым рукавом школьной формы кончики его пальцев слегка дрожали от предвкушения.

Новая игрушка сама пришла в руки.

Нераспечатанная фруктовая конфета описала дугу и приземлилась в мусорном баке.

*

От автора:

Гу Ханьчжоу: Не хочу быть твоим братом, хочу быть твоим господином.

<http://bllate.org/book/13392/1191829>